

Игорь Орлав

Девять клеток одной жизни

КодМЫ

Рассказы

Игорь Орлав

Девять клеток одной жизни

«Автор»

2026

Орлав И.

Девять клеток одной жизни / И. Орлав — «Автор», 2026

Вера освобождает вторник для поездки, но принимает ещё один заказ. Олег отдаёт приятелю ключ от общей мастерской вопреки обещанию. Нина собирается переехать к Герману — и замечает, сколько привычной жизни не помещается в приготовленные для неё ящики. Девять самостоятельных рассказов о молодых парах и людях с долгой общей историей: о сорванных планах, домашних переделках, семейных праздниках и выборе между близостью и привычкой решать за другого.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вторник без заказа	6
Второй ключ	10
Место для половника	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игорь Орлав

Девять клеток одной жизни

Все герои, события и диалоги в этих рассказах вымышлены. Совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

Вторник без заказа

Жёлтая рукавица зацепилась за решётку духовки. Вера потянула сильнее, и у большого пальца расползся шов. На полу лежала длинная нитка; над столом светился телефон: «Мы можем забрать в одиннадцать, вам удобно?»

Было без семи восемь. В десять они с Матвеем должны были ехать к реке.

Вера написала: «Конечно» — и поставила на плиту второй корж.

Заказчица сама нашла её по фотографии торта с грушами. Заказывала к семейным праздникам, без неприятного торга, только всякий раз перед выдачей меняла время. Вера считала это пустяком. Она работала дома именно затем, чтобы ни от кого не зависеть: могла лечь поздно, встать раньше, переставить всё местами. В тридцать шесть лет такая свобода казалась ей заслуженной.

Матвей вошёл в кухню в брюках, которые надевал только в выходные. Ему было тридцать девять, последние четыре года он развозил мебель, а прежние рабочие джинсы вытянулись на коленях, как будто тоже научились подниматься по лестницам с комодом.

— Чайник ещё горячий? — спросил он.

— Сейчас включу. Она приедет к одиннадцати. Мы на следующую электричку.

Он посмотрел на коробку, потом на две пустые чашки.

— К двенадцати должна была.

— А мы собирались на десятичасовую. Получалось ещё хуже. Теперь зато не надо просить соседку.

Матвей сел. Вера хотела сказать, что нашла прекрасный выход, но он достал из хлебницы вчерашнюю сушку и начал отламывать от неё маленькие куски.

К реке они собирались с мая. Там, за последней станцией, был мелкий песчаный берег и несколько старых дач с резными наличниками. Матвей однажды увидел их из машины, когда доставляли кровать. Вера любила такие окна. На прогулках они сочиняли жильцам занятия: кто сушит на чердаке травы, кто ремонтирует музыкальные шкатулки, кто пишет жалобы в стихах. Потом заглядывали через забор и обнаруживали обычную спутниковую тарелку или автомобильное колесо. Это не портило игры.

Теперь кончался август. Чтобы освободить вторник, Матвей обменялся сменами и отработал субботу. Вера тоже закрыла этот день в календаре, но торт был маленький, а коржи она собиралась испечь заранее. Потом заказчица попросила ещё шесть пирожных, потом выяснилось, что нужных коробочек нет в ближайшем магазине. Накануне Матвей съездил за ними на другой конец района.

Вера благодарила его и совершенно искренне думала, что у них всё получается.

— Пока остывает, давай завтракать, — сказала она.

Он отодвинул телефон. Это ей понравилось.

Они ели на балконе, положив на колени доску с бутербродами. С пятого этажа было видно, как во дворе мужчина пытается свернуть детскую палатку: собирает три круга, отпускает один, и палатка снова становится домиком.

— Он её по частям в отпуск повезёт, — сказала Вера.

— Она сама не хочет. У неё тут друзья.

Мужчина сел рядом с палаткой. Матвей поднял чашку в его сторону, точно признавая достойного соперника. Вера засмеялась и чуть не уронила помидор. Матвей поймал бутерброд за краешек хлеба, сжал так, что сок потёк по запястью. Они оба рассмеялись уже без причины.

Потом в кухне запищал таймер, и Вера пошла собирать торт.

К одиннадцати он стоял в коробке. К половине двенадцатого у Веры пересох крем в оставленном кондитерском мешке. Заказчица сообщила, что ещё в дороге: забирала сестру, сестра задержалась.

— Езжай, если хочешь, — сказала Вера. — Я подъеду.

Матвей держал в руках рюкзак. Из бокового кармана торчали два складных коврика.

— Я не хочу, чтобы ты подъезжала. Я хочу с тобой поехать.

Вера проверила, не попала ли на коробку капля воды.

— Я ведь не могу её выставить на лестницу.

— Я не про коробку.

Ей очень не нравились разговоры, где простая вещь вдруг означала какую-то другую. Она ничего не скрывала. Если бы заказчица приехала вовремя, они уже сидели бы в электричке.

В двенадцать Матвею позвонили с работы. Он вышел в прихожую, но Вера услышала: «Могу к четырём. Да, только на одну».

— Ты взял доставку?

— Всё равно день пропал.

Она закрыла крышку коробки так резко, что внутренний картонный язычок согнулся.

— Для тебя, значит, пропал. А я тут развлекаюсь.

Заказчица появилась через двадцать минут, сияющая, с пакетом подарков. Похвалила торт, спросила про сентябрь. Вера улыбалась и записывала дату. Когда закрыла дверь, Матвей уже переоделся.

Он вернулся в девятом часу. Доставка, которую ему обещали близко и быстро, оказалась с разобранным подъёмником и длинным обходом со двора. Они ели макароны. Салфетки для пикника остались на столе нераспечатанной пачкой.

— Я мог не соглашаться, — сказал Матвей.

Вера хотела немедленно подтвердить это. Вместо ответа вскрыла пачку, достала салфетку и разгладила. На ней были зелёные листья, совершенно не похожие на августовские тополя под окном.

— А я могла дать ей только вечернее время.

— Ты ей любое даёшь.

— Не любое.

Он не стал перечислять. Она и сама вспомнила утро перед его днём рождения и тот воскресный поход в кино, когда они вошли в зал после начала. Тогда Вера сказала, что ничего существенного ещё не произошло. Матвей потом несколько раз спрашивал, кто был человек в красной куртке.

Следующие два дня они жили вполне мирно. Это раздражало Веру даже сильнее ссоры. Матвей чинил ножку стула, она оставляла ему удачные обрезки бисквита, они вместе смотрели короткие фильмы про реставрацию старых вещей. Но о реке он не говорил.

В четверг Вера застала его у открытого шкафа. Матвей искал рабочие перчатки: в воскресенье обещал приятелю помочь с переездом.

— Но ты мне в воскресенье обещал отвезти подставки, — сказала она.

— Когда обещал?

— Я вчера говорила. На кухне.

— Ты сказала, что их надо отвезти.

Она стояла с венчиком в руке. С него упала на пол капля крема. Вера присела, стёрла пальцем и только тогда вспомнила весь вчерашний разговор: она перечисляла дела, Матвей разбирал почту. На вопрос, слушает ли он, ответил «да». Значит, она решила, всё принято.

— Я думала, ты согласился.

— А я думал, ты сама выбираешь, что когда делать. Ты же свободно работаешь.

Вера хотела объяснить разницу между свободой и отсутствием обязательств. Вместо этого пошла на кухню, посмотрела на свои записи и обнаружила напротив воскресенья короткое «М. подставки». Ни вопросительного знака, ни его согласия там не было.

Она заказала курьера. Неприятно было платить за то, что Матвей мог сделать попутно, если бы поехал в нужную ей сторону. Ещё неприятнее — поймать себя на том, что нужная сторона опять была её.

В пятницу поступил большой заказ: четыре одинаковых торта для сотрудников учебного центра, выдача во вторник к полудню. Центр собирался заказывать такие праздники каждый месяц. Вера прочла письмо дважды. Работа понятная, украшения простые. Можно купить наконец второй холодильник, перестать переносить молоко к соседке перед большими заказами.

Она уже набрала: «С удовольствием».

Матвей стоял у раковины и отмывал от краски маленькую кисть. Стул он покрасил в синий цвет, хотя Вера просила дождаться, пока они выберут оттенок. Синий ей не нравился. Сказать об этом сейчас означало начать не тот разговор.

— У тебя следующий вторник свободен? — спросила она.

— Пока да. Я в субботу снова работаю.

— А ты почему не сказал?

Он пожал плечами.

Вера стёрла ответ. Написала, что может отдать торты в понедельник вечером. Заказчик позвонил: хранить негде, принимать некому; им нужно ровно к двенадцати. Объяснял спокойно и разумно, как она сама объясняла Матвею, почему нельзя просто переставить коробку.

— Тогда не смогу, — сказала Вера.

— Жаль. Нам бы найти одного человека на постоянной основе.

— Понимаю.

Она положила телефон и сразу пожалела. Сумма была больше, чем за несколько мелких заказов, каждый со своими переписками и поездками за упаковкой. Ради вторника придётся оставить старый холодильник, который ночью гудел, будто готовился взлететь.

Матвей не слышал разговора: ушёл выносить мусор. Когда он вернулся, Вера рассказала. Он не обрадовался так, как ей хотелось.

— Можно было взять, — сказал он. — Не этот вторник, так другой.

— Мы в другой уже были.

Он поставил пустое ведро под мойку. Потом достал телефон и написал бригадиру, что вторник занят целиком. Тот ответил почти сразу. Матвей долго смотрел на экран.

— За полный выходной просят в субботу до конца смены. Я думал, пораньше отпустят.

У его приятеля в субботу собирались отремонтировать старую лодку. Матвей принёс домой фотографии: лодка лежала вверх дном на двух козлах, похожая на большое серое животное. Он ждал этой возни с начала лета.

Вера захотела предложить компромисс, но не придумала такого, который не отнял бы следующий вторник.

В понедельник она приготовила бутерброды, проверила электрички и выбрала маршрут вдоль берега. Потом нашла кафе возле станции, отметила место, где получают хорошие фотографии наличников, и стала искать, сколько времени займёт каждая остановка.

Матвей посмотрел на листок.

— А просто ходить можно?

— Конечно. Это приблизительно.

— У тебя купание четырнадцать двадцать.

— Там удобный подход к воде.

Он улыбнулся; она тоже, хотя ей не было смешно. Листок Вера не выбросила, но убрала в ящик.

Утром она всё-таки испекла маленький кекс в дорогу. Не на заказ, никому не обещанный. Достала его жёлтой рукавицей и заметила, что Матвей зашил прореху толстой чёрной нитью. Стежки получились слишком широкими, зато палец больше не попадал в дырку.

— Ты когда успел?

— Пока ты назначала купание.

Она шлёпнула его рукавицей по плечу. Он перехватил руку и поцеловал её в запястье, где оставался белый след муки.

В электричке Матвей задремал. Вера сначала обиделась: ради этого они отказались от работы и его лодки? Потом посмотрела на его лицо. В субботу он вернулся поздно, в воскресенье разгружал машину приятеля, хотя мог бы отказаться. Она подпёрла рюкзаком его съезжающий локоть и стала смотреть в окно.

На нужной станции оказалось, что к дачам ведёт длинная песчаная дорога. Вера предложила сначала туда, пока не жарко. Матвей увидел за платформой вывеску маленькой столовой и захотел пирожок.

— У нас бутерброды.

— Знаю.

Они пошли за пирожком. В столовой женщина лепила тесто на виду у посетителей; одна рука у неё была вся в муке, другой она считала сдачу. Вера хотела спросить про начинку и поставщика коробок, но Матвей уже отодвигал для неё стул.

Пирожок оказался с капустой, горячей настолько, что оба сидели с открытыми ртами и обмахивались салфетками. У окна висели часы, отстававшие на двадцать три минуты. Матвей сказал, что здесь это, наверное, входит в стоимость.

К дачам они дошли после полудня. У дома с красивейшими наличниками продавали автомобильные шины. Вера предположила, что хозяин по ночам вышивает салфетки для каждого колеса. Матвей показал на закрытую калитку: «Не мешай человеку, у него срочный заказ».

Она погрозила ему пустой бутылкой.

Потом позвонил новый заказчик. Вера посмотрела на незнакомый номер, убрала телефон и через минуту всё-таки достала. Матвей ничего не сказал. Она ответила, уточнила дату — пятница — и попросила прислать сообщение. Разговор занял меньше минуты, но берег за это время никуда не исчез.

Вода была холодная. Купаться они не стали. Матвей снял ботинки, закатал брюки и долго выбирал плоский камень; у Веры получалось пускать блинчики лучше. Он потребовал показать хват, и она трижды поправляла его пальцы, прежде чем он отнял руку.

— Теперь сам.

Камень подпрыгнул два раза и утонул. Матвей торжественно поклонился. Вера зааплодировала, ещё держа свою горсть камней.

Обратную электричку они пропустили: Вера слишком долго ждала, пока от цветного крыльца отойдёт хозяин шин. Следующая была через час. Матвей вздохнул, сел на рюкзак и разломил кекс. Они ели его руками. Крошки падали на жёлтую рукавицу, в которую Вера завернула остывшую форму перед дорогой.

— На лодке уже днище сняли, — сказал Матвей, посмотрев присланную фотографию.

— Жалко?

— Да.

Вера кивнула. Ей тоже было жалко холодильника.

Она взяла у него кусок с изюмом. Над платформой зажглась первая лампа; рельсы ещё оставались светлыми. Матвей развернул фотографию лодки к ней, и они стали разглядывать, что именно приятели успели разобрать без него.

Второй ключ

Латунный ключ нагрелся у меня в кулаке. Я вертел его ещё по дороге, от остановки до мастерской, хотя дверь уже второй год открывал с первой попытки. В кармане лежал телефон. На нём было сообщение от Ирины: «Буду через сорок минут. Возьми хлеб».

Хлеб я купил. Это, помню, казалось мне важным: хотя бы хлеб был.

Мы сняли бывшую парикмахерскую на двоих. В передней комнате стояли верстаки, в задней мы пили чай и держали всё, что пока жалко выбросить. Своих покупателей у нас не было. Мы оба работали в других местах, а здесь делали ненужные предметы, которые иногда оказывались необходимыми знакомым: складную ширму, настольный театр, полку под шесть совершенно разных чашек.

Ирина в свои сорок семь умела остановиться перед последним штрихом. Я в пятьдесят всё ещё считал законченным то, что начинало держаться без помощи рук.

За день до её отъезда мы собирали деревянного кита. В его животе должен был лежать клубок, а нитка выходить изо рта. Рот я сделал слишком высоко, и кит выпускал нитку через лоб.

— Это он думает, — сказала Ирина.

Я просверлил новое отверстие, она вырезала для старого маленькую пробку, и до полуночи мы решали, нужен ли киту фонтан. Ирина держала над его спиной щепку, похожую на поднятую ладонь. Я показывал, как будет разматываться клубок. Когда кит покатился со стола, мы оба поймали его, стукнулись лбами и долго сидели на полу, проверяя, у кого больше шишка.

Такие вечера я считал доказательством, что у нас всё хорошо.

В мастерской было легко делить пространство. Ирина любила свет от окна, я — стену, в которую можно вбивать гвозди. Сначала она спрашивала, можно ли передвинуть мой табурет. Я отвечал, что здесь всё наше. Однажды она разобрала мою коробку с шурупами по размерам, а я полчаса искал привычную пригоршню, где нужный попадался на ощупь. Мы смеялись над моей обидой. Потом Ирина купила себе коробку с перегородками, а мои шурупы снова ссыпала вместе.

В ту весну курьер по ошибке привёз нам чужие кисти. Я два дня добивался, чтобы за ними приехали, и всё это время держал коробку запечатанной. Ирина тогда сказала: «Вот за это я тебя люблю». Кажется, я слишком хорошо запомнил эти слова. С тех пор, когда требовалось решить что-нибудь сомнительное, передо мной возникала та коробка. Я её ведь не открыл.

На широком столе у окна стояла другая работа: бумажная улица, которую Ирина готовила для любительской выставки. Она сама придумала двенадцать домов, соединённых галереями. Если двигать за длинную рейку, из одних окон появлялись бумажные человечки, а в других гас свет от спрятанного фонарика. Рейка заедала. Три крыши ещё не были приклеены.

— Пока меня нет, никого сюда, — сказала она перед отъездом. — И не показывай. Я сама пока не понимаю, что получилось.

— Кому показывать?

— Ты всегда кого-нибудь находишь.

Она сказала это без улыбки, и я ответил, что понял. Потом отвёз её на вокзал. Она уехала на три дня на рабочий семинар.

В пятницу мне позвонил Сева, с которым мы когда-то занимались в фотокружке. Ему срочно требовалось помещение для короткой съёмки: две девушки играли на флейтах, концертный зал затопили соседи, оператор мог только сегодня. На час, максимум на полтора. Я представил наш длинный стол, белую стену и две табуретки. И то, как легко можно спасти чужой вечер.

— У нас есть место, — сказал я.

В этот момент всё ещё можно было поправить.

Сева попросил прийти к шести. Я заканчивал смену в семь. Он спросил, могу ли оставить ключ.

Я мог. Простую вещь — обещание — я превратил в задачу со множеством условий: снимать в передней комнате, ничего не трогать, убрать за собой. Чем подробнее я объяснял условия, тем меньше слышал собственное «никого сюда».

Ключ передал ему у метро. Даже хлеба тогда не забыл купить себе к ужину. У меня вообще хорошая память на поручения.

Когда я пришёл, одна флейтистка сидела у окна на нашей низкой скамеечке. Позади неё светилась Иринина улица. Вторую девушку снимали крупно, и Сева шёпотом велел мне замереть у двери.

Я замер.

Как Сева потом рассказал, бумажные дома показались ему красивее белой стены. Он передвинул их ближе к краю. Чтобы включить фонарик, сунул руку под основание и сломал крепление рейки. Потом попытался выровнять наклонившуюся галерею. Бумага порвалась там, где Ирина два вечера вырезала тонкие перила.

Я увидел это сразу. Но до конца мелодии простоял у двери с пакетом. Девушки играли хорошо. Мне было стыдно прерывать людей, которых я сам пригласил.

Потом я заставил Севу выключить камеру.

— Так скажи, сколько стоит, — попросил он.

Я разозлился на него с облегчением: вот человек, который считает, что всё покупается. Сам я такого никогда не считал. Я был человек честный, поэтому просто не брал денег, если не мог вернуть прежнее.

Сева ушёл последним. Положил на стол ключ и сказал:

— Ты же говорил, можно пользоваться помещением.

— Помещением. Не работами.

— Понял. Удаю, где дома.

На следующее утро он прислал чистый ролик: девушки, белая стена, табуретки. Бумажной улицы там не было. Я посмотрел дважды. Теперь, если успеть починить рейку, Ирина могла вообще ничего не узнать.

Я вырезал новую деталь. Она получилась прочнее прежней и толще на несколько миллиметров. За неё цеплялся человечек в зелёном пальто. Я осторожно подрезал ему локоть, после чего он перестал поднимать руку.

Тогда я убрал нож.

Ирина открыла дверь со своим ключом. Поставила сумку на пол, заметила хлеб на краю стола. Я всё-таки позвонил ей с остановки и сказал, что хлеб куплен. О мастерской не сказал: решил, это нужно говорить в лицо. У меня и для этого нашлось хорошее объяснение.

— Я дал Севе ключ, — произнёс я прежде, чем она успела снять куртку. — Они тут снимали. Твою улицу передвинули и сломали. Я ещё пытался чинить. Испортил фигурку.

Она подошла к окну. Не спросила, какую.

Я рассказал всё, включая то, как стоял у двери до конца мелодии. Рассказал ровно, ничего не пропуская. От этого во мне стало подниматься странное чувство: будто сейчас я делаю что-то очень достойное.

— Спасибо, что сказал, — ответила Ирина.

Я выдохнул.

— Только не стой так, словно мы уже закончили.

Она сняла куртку. Потрогала край галереи. Села на скамеечку, где вчера сидела девушка с флейтой.

— Я думал, они просто у стены...

— Ты обещал вообще никого не пускать.

— Да.

— И тебя даже здесь не было.

Я протянул ей свой ключ. Наверное, рассчитывал, что она не возьмёт: жест ведь был серьёзный. Ирина посмотрела на мою ладонь.

— Это и твоя мастерская. Зачем мне твой ключ?

Мне захотелось уйти. Отдать ключ, уйти, потом вернуться после какого-нибудь правильного срока. Вместо этого пришлось положить его в карман и остаться возле испорченной улицы.

До выставки было шесть дней. Я предложил взять два выходных и восстановить улицу по фотографиям. Ирина спросила, как я собираюсь восстановить то, чего ещё не было на фотографиях. Я сказал: она покажет. Она покачала головой.

— Тогда мне придётся ещё и тобой руководить.

В воскресенье я пришёл раньше неё и ничего не трогал. Это давалось неожиданно трудно. Отставшая планка просила клея; у окна лежали обрезки, которые было удобно сразу выбросить. Я мыл чашки, пока не кончилась грязная посуда. Затем сел.

Ирина принесла два плоских ящика. В одном было отделение для инструментов, другой оказался пустым. Она начала разбирать улицу: сняла уцелевшие крыши, поставила дома в ящик, между ними проложила ткань.

— Совсем убираешь?

— На выставку не понесу.

— Из-за меня?

Она остановилась, держа дом с зелёной дверью.

— Да, Олег. Из-за того, что ты сделал. Мне сейчас противно торопиться, чтобы успеть поправить.

Я сел на табурет. За этот месяц я успел рассказать о выставке нескольким знакомым. Представлял, как будем стоять рядом, как Ирина станет объяснять устройство, а я — незаметно подталкивать упрямую рейку. Мне казалось, я поддерживаю её. Но отказаться от этого будущего я хотел меньше, чем она — от своей работы.

— Мне написать организатору? — спросил я.

— Я сама.

Она достала телефон, написала сообщение и показала мне экран: фамилия, название работы, просьба снять её из программы. Потом отправила. Это заняло меньше минуты.

Вечером мы пошли есть в столовую у остановки. Обычно брали разное и менялись тарелками. На этот раз я заказал то же, что она, и зачем-то принял это за осторожность. Ирина подвинула ко мне солонку, которой я не просил, и спросила, починили ли на моей работе окно. Я ответил. Некоторое время мы говорили об окне.

Мне было легче, когда она молчала: молчание давало мне занятие — угадывать его значение. Обычный разговор требовал принять, что испорченное не заполняет её целиком.

В понедельник Сева позвал меня помочь снять вторую запись. Я отказался от съёмки в мастерской и предложил приехать к нему домой. Он согласился сразу. Оказалось, белую стену можно было найти и в пятницу: пришлось бы только отодвинуть шкаф.

Ирине я об этом не рассказал. Раньше обязательно рассказал бы, как о доказательстве.

Ирина решила купить шкаф для своих работ. За ним мы поехали в магазин на окраине. Ирина заранее измерила стену и вырезала из бумаги прямоугольник по размеру самого большого ящика. У продавца она попросила снять полку с выставленного образца: хотела проверить высоту.

— Такие вещи дома надо хранить, — сказал я, пока он искал отвёртку. — У нас в комнате угол пустой.

Ирина прижала бумажный прямоугольник к задней стенке шкафа.

— Я сюда работать прихожу. Не возить каждый раз коробки.

Продавец вернулся и спросил меня, сколько нужно дополнительных полок. Я уже открыл рот. Ирина обернулась к нему сама, назвала количество. Он записал заказ.

Пока ждали выдачи, я сходил за кофе. Ей купил с молоком, себе чёрный. Она забрала свой стакан и спросила, почему у меня сахар. Я действительно взял два пакетика, хотя давно не клал. Мы стояли у окна магазина, пили кофе и смотрели, как работник собирает с тележек забытые картонки. Я рассказал про мужчину впереди меня в очереди: тот долго выбирал между двумя совершенно одинаковыми булочками и в итоге взял обе. Ирина засмеялась, но вскоре снова заговорила о том, как погрузить длинные панели в машину.

На обратной дороге шкаф лежал между нами, поддерживаемый спинкой заднего сиденья. Ирина держала на коленях маленький пакет с крепежом. Я попросил её свернуть мой шарф и подложить под острый угол. Она сделала это и сказала, что теперь можно ехать.

Мы поставили у окна узкий запирающийся шкаф. Ирина выбрала его сама, я помог донести детали. В нём поместились оба ящика, ножи и рулоны бумаги. За покупку заплатила она. Когда я предложил вернуть деньги, сказала:

— Не надо. Я заберу его, если съеду.

Я не спросил, собирается ли она съезжать. Впервые удержался не потому, что придумал достойную причину молчать. Просто понимал: сейчас мне очень хочется получить успокоение, которого она не обещала.

Прошло две недели. Кит стоял на нашей кухне и исправно выдавал нитку из нового рта. Мы жили вместе, ходили за продуктами, однажды долго искали в парке потерявшуюся пуговицу. В мастерскую Ирина приезжала теперь одна по средам. Я перестал переставлять её чашку даже для того, чтобы освободить место. Она заметила:

— Чашку можно.

В следующую субботу мне понадобился её маленький зажим. Раньше я взял бы его, не задумываясь: инструменты у нас почти все были общие. Я показал на открытый ящик.

— Этот можно?

— Да. Только верни вечером туда же.

Я взял зажим и закрепил щепку для китового фонтана. Ирина занималась за столом. Спустя час у неё упала деревянная линейка, я поднял её и положил рядом. Она придвинула мне настольную лампу: с моей стороны было темно.

Когда собрались уходить, я вернул зажим в ящик. Ирина проверила окна, закрыла свой шкаф и вышла первой. В дверях я достал латунный ключ. Он по-прежнему открывал и закрывал общую дверь, только теперь я не вертел его по дороге.

Место для половника

Синий половник держался на крючке ровно до тех пор, пока Павел не выпустил его из руки. Потом крючок поехал вниз, половник ударил по кастрюле, а кастрюля — по ведру с картошкой. Все три предмета высказались о переезде.

— Мы с коробками сегодня закончим? — спросила Галя.

Она стояла на пороге с коробкой, на которой чужой размашистый почерк обещал: «КУХНЯ. ПОСЛЕДНЕЕ». За её спиной было ещё две такие коробки. Павелу исполнилось шестьдесят четыре, и он впервые обнаружил, что сорок лет приготовления еды помещаются в машину только при условии, что на заднем сиденье никто не едет.

— Надо было обезжирить, — сказал он.

— Я тебе про коробки.

В Галиной квартире они жили шестую неделю. Павлова квартира была просторнее, но там окна смотрели на стену, а отсюда был виден переулок с липами и два верхних этажа старого кинотеатра. С кинотеатра всё и началось: два года назад Галя обернулась к человеку, который тихо возмущался переставленными эпизодами фильма. Вышли они вместе и сорок минут спорили под афишей. С тех пор спорили регулярно и с удовольствием.

Крупную мебель Павел увёз ещё в августе. Кухню оставил напоследок. Первые недели обходился Галиной посудой, а к своей ездил по воскресеньям, чтобы разобрать шкафы. Каждый раз возвращался с двумя чашками или ситечком. Теперь прежнюю квартиру надо было освободить для дочери, и возить по чашке стало некогда.

Галя поставила коробку возле холодильника. Места для человеческих ног стало меньше на две трети.

— В шесть придёт Даша с Кириллом, — напомнила она.

— Я помню. Поэтому нам надо быстро закончить.

Павел очень любил слово «быстро». Обычно после него он начинал тщательно выбирать из трёх отвёрток одну.

Галя накануне освободила два шкафа. Кастрюли сложила одну в другую, плоские крышки поставила в сушилку, отдала соседке пять одинаковых чашек, полученных когда-то в подарок. Пять чашек сопровождала шестая, её любимая; соседка сказала, что некрасиво разбивать комплект. Галя согласилась, а утром поймала себя на том, что всё ещё ищет эту чашку.

В шестьдесят один год она считала себя человеком лёгким и необременённым вещами. Проверка этого убеждения началась неудачно.

Павел тем временем вынул широкую деревянную доску. Доска была чистая, светлая, с неглубокой выемкой сбоку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.